

ЕВРОПА ОТХОДИТ НА ПЕРИФЕРИЮ

Иван Крастев

Иван Крастев — председатель Центра либеральных стратегий (София), главный редактор болгарского издания журнала Foreign Policy

Кризис не успел произвести каких-либо радикальных и интеллектуальных альтернатив, кроме только того, что неолиберализм из идеологии бизнес-класса превратился в профессиональную идеологию экономистов. Помимо прочего важно, что **кризис уничтожил идентичность России как части БРИКа**. После кризиса БРИКа не осталось. Есть только БИК — Бразилия, Индия и Китай. Эти страны выиграли от кризиса. А Россия потеряла, и потеряла не просто деньги, но и динамику, самоощущение того, что она является восходящей силой. Россия начала чувствовать себя ближе к Европе. **Россия и Европа вместе стали бояться будущего.**

Конечно, европейцам приятно сознавать, что их критические замечания в адрес либерального капитализма американского типа сработали, что они оказались правы, отстаивая необходимость социальной регуляции капитализма. Однако одновременно с этим кризис сработал на обострение различных страхов у разных народов Европы. Скажем, для германцев это был страх инфляции, а для британцев — безработицы. Эти разные страхи

оказалось крайне трудно интегрировать между собой. Оказалось, **что на уровне экономической политики кризис в Европе не закончится.**

Второе важное для Европы событие — это, конечно, **Лиссабон**. Во время кризиса европейские страны поняли, что они — малые государства. ЕС был очень мощным образованием в 1990-е годы, когда создавалось впечатление, что Европа будет управлять миром. Но теперь это ощущение величия сменилось страхом, что упадок коснется не только Америки, но и Старого Света, и стремлением сохранить хотя бы какие-то позиции. Лиссабонский договор исходил из оборонительной, а не наступательной стратегии.

ЕС и Россия впервые начали разговаривать друг с другом как две политические силы, которые вместе боятся упадка. Появился страх, что будет маргинализироваться сам европейский континент. Президентство Обамы показало: **США уже не европейская сила в классическом смысле этого слова**. Военные гарантии для стран НАТО никуда не денутся, но теперь Америка не считает, что Европа — место главного конфликта будущего.

Подобная переоценка Европы проявилась в том, как Обама начал разговаривать с Россией — не

ное геополитическое значение, что, в частности, проявилось во время кризиса с ракетами. При Обаме Восточная Европа потеряла и **символическое** значение. Отнюдь не случайно, что Обама отсутствовал на чествованиях по поводу двадцатилетия падения Берлинской стены. В тот момент, когда Европа праздновала свое объединение, Обама был в Китае. И это не проблема различия ценностей, просто президент США уже не верит в европоцентричный мир.

В результате кризиса сама Европа осознала, что мир перестал быть европоцентричным. Это верно для ЕС, это верно и для России. Кстати, от этой перемены выиграла Турция. В качестве силы европейской она взаимодействует с Европой, в качестве мусульманской — с Ираном, в качестве постмусульманской — с Сирией и новым Ираком.

У ЕС не сложилось собственной стратегии в отношении **Китая**. Политика ЕС в этом смысле всегда касалась исключительно области торговли, так же как наряду с этим существовала собственная китайская политика у отдельных европейских стран. Однако оказалось, что политически Европа не так уж интересна для

В результате кризиса сама Европа осознала, что мир перестал быть европоцентричным

как с европейской силой, а как с силой глобальной. Вокруг американского президента впервые за долгие годы нет ни одного важного советника или политика восточноевропейского происхождения. Еще во времена второго мандата Буша-младшего. Восточная Европа потеряла в глазах США свое прежнее **реаль-**

китайцев. Независимо от того, что Европа — очень большой рынок.

Странно, но факт: **китайцы более благосклонно относятся к ЕС, чем Россия, которая скептически настроена по отношению к постнациональным формациям**. Для Китая ЕС — это имперская формация континентального типа. Ки-

таю это кажется нормальным, потому что для них национальное государство как государство не существует. Когда у тебя один миллиард человек — это не просто национальное государство. С другой стороны, Китаю очень трудно понять, как Европа принимает решения. В свою очередь Европа не знает, что думать о Китае, и не знает, чего от него хочет.

Играет свою роль и то, что Европа никогда не знала, как относиться к большим государствам — к США, России, теперь к Китаю. Кроме того, у Европы довольно постмодерное отношение к миру, а у китайцев отношение к миру вполне модерное. Аналогичным образом разнится отношение к военной силе и суверенитету.

Если добавить сюда ценностное отношение к миру, то понятно, что Европе разговаривать с Китаем очень трудно. Между прочим, это роднит ЕС с Россией — мы не знаем, как говорить о Китае, не знаем, чего боимся и на что надеемся, когда идет речь о Китае. Скажем, экспертное знание о Китае в Европе, сравнивая его с

тем, что в Америке, — просто небо и земля.

Как Россия столкнулась с Китаем в Центральной Азии, так Европа встретила с ним же в Африке. Китай идет к коррумпированным государствам и говорит: нам неинтересно вас трансформировать, нас интересуют ваши природные ресурсы. Если вы хотите украсть, это ваша проблема, а не наша. Это кардинально отличает Китай от американцев и европейцев, которые все время требуют прозрачности. У африканцев сегодня появилась реальная альтернатива европейским инвестициям и кредитам в лице капиталов Китая и других развивающихся стран.

Трансформативная сила ЕС очень сильна, когда Европа является доминирующим блоком. Когда она — одна из многих игроков, она проигрывает реальной политике других держав. Примеру Китая уже последовала Индия, которая недавно заключила ряд договоров с Суданом. Страной, взаимоотношения с которой для ЕС находятся за гранью допустимого в связи с проблемой геноцида.

Сегодня Европа нуждается в России, потому что ощущает себя ослабевшей после кризиса. Однако Европа опасается вмешиваться во внутреннюю политику России. Европа попыталась это сделать во времена Бориса Ельцина, и в результате произошло резкое уменьшение влияния Запада на Россию. Теперь Европа не знает, как помочь Дмитрию Медведеву и не навредить ему и России.

Медведев нравится европейской элите. Европа не боится России, не видит угрозы ревизионизма с ее стороны. Но Европа не знает, что делать с Россией. Потому что Европа всегда верила только в институты. В отличие от США, Европа не знает, как разговаривать лидеру с лидером, потому что в ЕС лидера нет. Европа не знает, следует ли проявлять ей свои симпатии. ■

Специально для «Ярославской инициативы»

7 мая — учредительный саммит «Восточного партнерства» (Прага).

Проект ЕС «Восточное партнерство» нацелен на политическое и экономическое сближение ЕС с Украиной, Молдавией, Грузией, Азербайджаном, Арменией и Белоруссией, включая облегчение визового режима и активизацию сотрудничества в энергетике. Участниками учредительного саммита стали представители Евросоюза, а также Азербайджана, Белоруссии, Армении, Грузии, Молдавии и Украины.

1 июля — начало председательства Швеции в ЕС.

Исполняющим обязанности председателя ЕС стал премьер-министр Швеции, лидер Умеренной коалиционной партии Фредрик Рейнфельд. Приоритеты Стокгольма — убедить партнеров

по ЕС подписать всеобъемлющий договор по климату, который должен прийти на смену истекающему в 2012 году Киотскому протоколу, преодоление финансово-экономического кризиса, вопросы безопасности в ЕС, прежде всего борьба с организованной преступностью и нелегальной иммиграцией.

1 сентября — мемориальные мероприятия по случаю 70-летия начала войны в Гданьске (Польша).

По приглашению премьер-министра Польши Дональда Туска в Гданьске собрались тридцать государственных делегаций, в том числе премьер-министр РФ Владимир Путин и канцлер Германии Ангела Меркель.

9 ноября 1989 года — юбилейные мероприятия, посвященные 20-летию падения Берлинской стены.

На празднование объединения

Европы приехали лидеры многих европейских стран, в том числе президент Франции Николя Саркози, канцлер Германии Ангела Меркель, премьер Великобритании Гордон Браун. На юбилейных торжествах присутствовал президент РФ Дмитрий Медведев.

1 декабря вступил в силу Лиссабонский договор о реформе ЕС.

Лиссабонский договор вступил в силу после ратификации договора на повторном референдуме в Ирландии 2 октября и подписания договора президентом Чехии Вацлавом Клаусом 3 ноября 2009 года. Первым президентом ЕС стал избранный на эту должность 19 ноября бельгийский премьер Херман ван Ромпёй, а первым министром иностранных дел — представитель ЕС по вопросам торговли британка Кэтрин Эштон.